

UNITED WISDOM

Аристотель: форма, материя и объяснение вещи

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-17-N02 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Аристотель: форма, материя и объяснение вещи

Эпиграф

> *«Итак, материя есть возможность, форма — действительность».*

Аристотель, «О душе», книга II, часть 1. Точная клауза перед точкой с запятой в показанном английском переводе Дж. А. Смита: “Now matter is potentiality, form actuality”. Собственный перевод United Wisdom с английского, не непосредственно с греческого. Первичный текст, начальный абзац о материи, форме и составном; далее различаются два смысла действительности.

О чём эта статья

Когда мы спрашиваем, из чего сделана вещь, ответ может быть точным и всё же не объяснять, что перед нами. Древесина бывает столом, дверью или остатком заготовки; перечисление вещества не показывает, почему его устройство имеет значение. Аристотелевское различение материи и формы помогает поставить этот второй вопрос. В статье мы рассмотрим относительность материи, изготовление составной вещи, разные смыслы причины и особый случай живого тела. Примеры сферы, воска, орудия и глаза останутся примерами древнего философского аргумента, а не современной физиологией. Сопоставление с Плотином покажет, как знакомые слова могут работать в иной метафизической конструкции. Главная задача — понять, какое объяснение даёт форма и почему её нельзя считать только внешним контуром или отдельной деталью внутри предмета. Такое чтение позволяет внимательнее выбирать вопрос к конкретной вещи, не превращая философские категории в универсальную техническую инструкцию или оценку человеческой ценности.

I. Материал ещё не объясняет, что именно перед нами

Материя и форма отвечают на связанные, но различимые вопросы. Если показать человеку несколько деревянных деталей, он может верно назвать материал и не знать, что из них предполагается собрать. Если показать собранный стол, становится доступным другое объяснение: каким образом детали образуют предмет определённого вида. Условный пример позволяет заметить разницу между указанием состава и пониманием устройства. Он не требует считать материал неважным: именно его свойства ограничивают возможное изготовление.

@andrey.zarinsh @ilkutki

Во второй книге «Физики» Аристотель рассматривает природу и различает её понимание через материю и через форму. Форма здесь связана с тем, что вещь есть, а не только с тем, как она выглядит наблюдателю. Вопрос о ней заставляет перейти от перечня частей к их определённости. Если ответ ограничился словами древесина и крепления, мы ещё не объяснили, почему перед нами стол, а не другой предмет из похожих компонентов.

Из этого не следует, что достаточно правильно назвать вещь. Название может скрывать непонимание устройства так же легко, как список материала. Нужно спросить, какие отношения делают части значимыми для целого. В нашем примере поверхность и опоры размещены определённым образом; их связь позволяет обсуждать предполагаемое использование. Нарисованный контур похожего предмета даёт иной материал и иные возможности, хотя внешнее сходство может быть заметным.

Так вопрос о форме начинает работать между двумя крайностями. Мы не сводим предмет к бесформенному веществу, но и не отрываем объяснение от того, из чего он сделан. Содержание возникает в отношении: что является материалом именно этой вещи и какая определённость делает его материалом предмета данного вида? Эта постановка вопроса важнее быстрого лозунга о превосходстве формы. Аристотелевское различение требует подробнее объяснять вещь, а не заранее отдавать одному слову всю работу другого.

II. Материя относительна к объясняемому предмету

В части 2 второй книги «Физики» Аристотель прямо называет материю относительным термином. Это не означает, что вещество выдумано или его свойства зависят от нашего настроения. Речь идёт о том, что материей называют нечто по отношению к определённой форме и задаче объяснения. Один и тот же предмет способен занимать разные положения в разных разборах. Поэтому слово материал нуждается в продолжении: материал чего и в каком отношении?

В условной мастерской доска уже имеет определённую форму. Её изготовили из древесины, придали размеры и обработали края. Но при сборке стола эту доску можно рассматривать как материал для следующего целого. То, что раньше было результатом изготовления, теперь становится частью нового процесса. Относительность не отменяет ни прежнего устройства, ни свойств древесины. Она меняет вопрос, относительно которого предмет рассматривается.

Это позволяет избежать ошибки бесконечного поиска одного окончательного материала, который якобы объяснит любую вещь без обращения к её устройству. Современное исследование состава может быть необходимо для конкретной задачи, но более подробное описание вещества само по себе не сообщает, что делает предмет столом. В

философском разборе Аристотеля направление объяснения определяется тем, о какой вещи и каком изменении идёт речь. Меньший масштаб части не всегда означает более достаточный ответ.

Пример имеет и обратную сторону. Если доска не выдерживает предполагаемую нагрузку, её положение в замысле не отменяет материального ограничения. Нельзя объяснять неудачу тем, что идеальная форма стола уже всё обеспечила. Материал и устройство должны быть рассмотрены вместе. Именно относительность материи помогает это сделать: она связывает описание свойств с объясняемой вещью, вместо того чтобы растворить свойства в произвольном именовании или объявить форму независимой от всякого конкретного носителя.

III. Возможность имеет определённое отношение к действительности

Возможность у Аристотеля не означает, что из любого материала может получиться всё что угодно. Эпиграф связывает материю с возможностью, а форму с действительностью внутри рассуждения о составном. Чтобы понять эту связь, нужно назвать, какая возможность рассматривается. Куча деталей, отдельная доска и собранный стол не занимают одинакового положения относительно готового предмета. Даже если все содержат древесину, различия устройства остаются существенными.

Представим два задания: сделать низкую подставку и высокий узкий шкаф. Один запас досок может подходить для первого и не позволять выполнить второе без дополнительных деталей. Слово возможное связано с конкретными условиями, а не просто с воображаемым описанием. Это наш пример для постановки вопроса, не историческое доказательство аристотелевской метафизики. Он показывает, почему возможность требует основания, а желание увидеть предмет готовым его не создаёт.

В первой части второй книги «Физики» Аристотель также различает естественное и сделанное. Его аргумент обращает внимание на начало изменения, принадлежащее природной вещи, в отличие от изготовления предмета как предмета определённого ремесла. Поэтому примеры мастерской полезны, но не исчерпывают рассуждение о природе. Устройство стола объясняется через деятельность изготовителя; вопрос о жизни растения в древнем тексте поставлен иначе. Нельзя молча переносить каждую особенность одного случая на другой.

Для читателя здесь возникает проверка собственного объяснения: я указал способность, условие или уже осуществлённое действие? Если человек знает, как собрать предмет, это ещё не значит, что предмет собран. Если материал подходит для изготовления, это ещё не сообщает, что изготовление произошло. Различие возможности и

действительности позволяет не принимать план за результат. При этом оно не превращает любой несостоявшийся план в недостаток человека: иногда не выполнены условия, которые нужно отдельно назвать и проверить.

IV. Четыре смысла причины не конкурируют как четыре силы

В части 3 второй книги «Физики» Аристотель обсуждает несколько способов отвечать на вопрос почему. Вещь можно объяснять через материал, через форму, через начало изменения и через цель. Эти смыслы причины относятся к разным сторонам объяснения. Они не представлены четырьмя измеренными силами, которые по очереди толкают предмет. Если смешать такую физическую картину с философским различением, станет непонятно, почему одним ответом может быть устройство, а другим — назначение.

В условном случае изготовленной чаши ответ из глины сообщает материал. Описание её устройства поясняет, что сделано. Работа мастера относится к началу изготовления. Предполагаемое использование даёт ещё один вопрос: ради чего предмет создавали? Ответы могут быть совместимыми. Назвать мастера не значит опровергнуть материал, а указать материал не значит объяснить каждое решение мастера. Несколько причин в этом смысле могут относиться к одной вещи без борьбы за исключительное право считаться настоящей.

Однако совместимость не должна делать объяснение расплывчатым. Каждый ответ нужно соотнести с вопросом. Если чаша протекает, рассказ о её назначении не заменяет проверки конкретного устройства и материала. Если спрашивают, почему выбраны именно такие размеры, имя изготовителя может быть недостаточно. Важно не просто перечислить четыре рубрики, а показать, какую работу каждая выполняет в данном случае. Иначе классификация останется внешней формой школьного ответа.

Цель также требует осторожного уточнения. Для нашего изготовленного предмета она связана с намерением и использованием. Это не делает всякое природное изменение результатом человеческого плана. Аристотелевская естественная философия имеет собственную рамку; обсуждаемые здесь начальные части не заменяют отдельного разбора его полной телеологии. Мы можем сохранить вопрос о назначении в конкретном примере и не объявлять этим, что доказан общий замысел природы. Точность возникает из соразмерности вопроса и ответа.

V. Изготовляют составную вещь, а не форму как второй предмет

В книге VII «Метафизики», особенно в частях 7–8, Аристотель рассматривает возникновение вещи. Его пример бронзовой сферы позволяет различить изготовление конкретного составного и производство формы как будто ещё одного предмета. Мастер делает определённую вещь из материала. Если же предположить, что отдельно нужно изготовить саму сферичность, возникнет новый вопрос о том, из чего и каким образом её изготовляют. Объяснение рискует повторить исходную задачу вместо её решения.

Это не означает, что реальное изготовление отрицается. Изменяется то, что мы считаем предметом изготовления. Бронза становится определённой вещью; название формы поясняет, какой именно. В нашем условном случае чаши не требуется находить внутри глины ещё одну маленькую чашу, которая сообщает ей чашечность. Нужно объяснить устройство составного предмета и процесс, благодаря которому оно получено. Форма выполняет объяснительную роль, не превращаясь автоматически в дополнительную деталь.

В части 7 Аристотель обсуждает форму в мысли мастера и движение от замысла к действиям. Это позволяет спросить, что делает план определённым. Слова хочу хороший предмет пока не сообщают способа изготовления. Когда указаны отношения частей и условия, появляются вопросы к материалу и работе. Человеческий план остаётся последовательным и может требовать исправления; поэтому его нельзя сразу отождествлять с вечным Умом другой философской системы.

Различение помогает и при объяснении ошибки. Если получилось не то, что планировали, возможны разные случаи: неверно определена задача, не подходит материал или действие не соответствовало замыслу. Ссылка на форму не выбирает ответ заранее. Она заставляет уточнить, где произошло расхождение между определённостью проекта и полученной вещью. Так философский вопрос о том, что изготовляют, может сделать практическое объяснение подробнее, вместо того чтобы добавить к нему ещё один непроверяемый скрытый объект.

VI. Части материала и части объяснения не всегда совпадают

Перечень частей зависит от того, что именно мы разбираем. В частях 10–11 книги VII «Метафизики» Аристотель рассматривает отношение частей к определению и к составной вещи. Если предмет разделён на куски, мы получили его материальные остатки, но не обязательно части объяснения того, чем он был. Это различие помогает понять, почему подробное перечисление после разрушения может не сохранить смысл устройства целого.

Допустим, условную чашу разбили. Осколки происходят из её материала; по некоторым можно восстановить сведения об изготовлении. Но перечень осколков не равен описанию чаши как предмета с определённой формой. Размер случайного фрагмента сам не объясняет, какую роль участок поверхности имел до разрушения. Для такого вопроса нужно восстановить отношения, которые делали вещь целой. Материальный разбор и объяснение устройства могут поддерживать друг друга, оставаясь разными операциями.

То же различение показывает предел внешнего сходства. Два предмета способны выглядеть похоже и различаться существенными для задачи свойствами. Если одна чаша удерживает жидкость, а другая является изображением чаши, общий контур ещё не даёт одинакового ответа о том, что перед нами. Необходимо указать, о каком виде предмета идёт речь и какие отношения входят в объяснение. Название формы не должно служить разрешением игнорировать свойства конкретного носителя.

Поэтому вопрос что это можно уточнить вопросом относительно какого разбора. Мы рассматриваем остаток материала, устройство предмета, его происхождение или возможность использования? Не всякое различие существенно для каждого ответа, но это не делает его вообще несущественным. Аристотелевский разбор заставляет выбирать основание различения вместо привычки считать самым глубоким то описание, где больше мельчайших частей. Иногда объяснительная точность требует назвать связь, которую дробление само по себе не показывает.

VII. Первая действительность отличается от исполнения способности

В начале второй книги «О душе» Аристотель различает действительность в двух смыслах, используя пример знания и его осуществления. Владеть знанием и в данный момент размышлять — не одно и то же. Эта оговорка существенна для его определения души как первой действительности определённого живого тела. Если её убрать, получится слишком простая схема: материя бездействует, а форма всякий раз означает видимое исполнение. Сам текст предлагает более точное различение.

Человек, знающий правило, может сейчас им не пользоваться. Для нашего ограниченного примера это различает наличие способности и конкретную деятельность. Отсутствие видимого исполнения ещё не доказывает отсутствие самой способности. Но и заявить о способности недостаточно, чтобы считать выполненным нужное действие. Чтобы обсуждать конкретный результат, требуется увидеть именно его. Так один и тот же разговор может незаметно переходить от вопроса о владении к вопросу об исполнении.

У Аристотеля различение связано с тем, как живое тело уже является определённым целым. Сон и бодрствование включены в ход его аргумента; душа не определяется как отдельный поступок, который приходится добавлять заново каждую минуту. Это философское объяснение жизни, а не способ оценивать состояние реального пациента. Важна логическая роль примера: живое целое и отдельное осуществление его способности нельзя автоматически считать одинаковым предметом объяснения.

Для обыденного рассуждения следствие также ограничено. Если инструмент лежит без использования, мы можем отдельно спросить, пригоден ли он и что с ним сейчас делают. Если человек не отвечает на вопрос, нужно выяснить, каких сведений или условий недостаёт, а не сразу объявлять, что у него нет способности. Но эти примеры не устанавливают медицинских или психологических критериев. Они показывают, почему слова готово, умеет и делает требуют разных оснований, даже когда относятся к одному участнику или предмету.

VIII. Орудие, глаз и воск уточняют смысл формы

Примеры в первой части второй книги «О душе» связывают форму с тем, что делает предмет предметом данного вида. Аристотель предлагает представить орудие живым существом, обсуждает глаз через зрение и сравнивает единство материи и формы с воском и отпечатком. Каждый пример имеет свою задачу. Их не следует складывать в одну буквальную картинку, будто душа одновременно является отдельным резцом, глазом и отпечатанной печатью.

Орудие позволяет поставить вопрос о значимой деятельности. Внешнее сходство с топором ещё не исчерпывает объяснения того, чем является топор в рассматриваемом отношении. Пример глаза переносит внимание к способности живой части. Воск и отпечаток, в свою очередь, помогают спросить о единстве, не представляя материю и форму двумя готовыми предметами, которые сначала существовали отдельно и затем случайно встретились. Так наглядные сцены проясняют разные стороны одного затруднения.

Однако сам Аристотель сохраняет вопрос о возможной отдельности некоторых способностей и в конце части 1 упоминает ещё не прояснённое отношение, сравнимое с моряком и судном. Поэтому нельзя объявить весь вопрос о душе окончательно закрытым одной фразой душа есть форма тела. Это определение работает внутри аргумента, который имеет собственные дальнейшие трудности. Сохранить оговорку значит точнее читать текст, а не искусственно делать его неопределённым.

Не следует также превращать примеры в современные суждения о человеческой ценности. Особенности зрения или ограничения действия не определяют достоинство человека. Статья разбирает древние философские способы объяснения, а не создаёт критерий полноценной личности. Здесь полезен более узкий вывод: форма может обозначать организацию и способность, существенные для понимания вещи, а не только её внешний рисунок. Чтобы перейти к реальному организму, современной технике или помощи человеку, понадобятся относящиеся к задаче сведения, которых эти аналогии не заменяют.

IX. Общие слова у Плотина выполняют другую работу

Слова форма, материя и душа встречаются у Плотина, но их наличие не означает, что он повторяет аристотелевское объяснение. В V.1 § 3 Плотин обсуждает Душу как воспринимающее по отношению к Уму. Относительное положение позволяет использовать язык материи, хотя речь не идёт о древесине или глине. В § 2 того же трактата Душа рассматривается как источник жизни и единства тел. Масштаб вопроса отличается от объяснения определённого живого тела.

Сходство всё же содержательно: оба автора требуют отношения между определяющим и тем, что получает определённость. Но составное единство у Аристотеля и порядок происходящего от первого у Плотина имеют разные предпосылки. Если стереть разницу, возникнет кажущееся согласие, которое затем начнёт подтверждать само себя. Более точное сопоставление спрашивает, что в каждом аргументе получает форму, какое начало это объясняет и какова роль тела.

В «Метафизике» VII.7 Аристотель рассматривает форму в мысли мастера. В V.1 § 4 Плотин описывает Ум с одновременно присутствующим мыслимым содержанием. Обе стороны связывают определённость с мыслью, но план конкретной работы разворачивается иначе, чем плотиновский вечный Ум. Человеческий изготовитель проверяет условия, действует последовательно и может ошибиться. Сходство слов не даёт ему автоматически доступ к другому уровню действительности.

Поэтому сравнение приносит пользу, когда делает вопрос яснее, а не увеличивает число якобы согласных авторов. Относительность материи становится заметнее рядом с плотиновским необычным получателем. Различие конкретного изготовления и вневременного происхождения показывает разные значения возникновения. Единство живого целого и связность гипостаз сохраняют разные масштабы. Мы получаем несколько определённых отношений, каждое из которых можно обсуждать. Историческое влияние или единая научная теория организации из таких пар сами не следуют.

X. Форма помогает уточнить задачу, но не выбирает её за нас

Различение формы и материи становится полезным, когда делает вопрос к вещи определённее. Если предмет не подходит для задачи, нужно понять, что именно не подходит: материал, устройство, способ изготовления или выбранное назначение. Общая фраза нарушена форма может объединить совершенно разные случаи и затруднить исправление. Аристотелевские понятия имеют объяснительную ценность постольку, поскольку мы не останавливаемся на их названии.

Предположим, стол переделывают для другой комнаты. Может потребоваться изменить размеры, сохранив часть материала; заменить материал, оставив устройство; или признать, что прежний предмет уже не соответствует новому использованию. Эти условные варианты показывают, почему тождество вещи и пригодность для задачи нельзя решить одной фразой. Мы должны указать, что сохраняется и что меняется. Ответ зависит от конкретного отношения, которое хотим объяснить.

При этом назначение не является приговором предмету, а тем более человеку. Неудача в одном деле не устанавливает общей бесполезности участника. Смешение

ограниченного вопроса о действии с общей оценкой личности особенно легко возникает, когда философские слова приобретают торжественный тон. Можно говорить о структуре задания, доступных условиях и результате, не объявляя человека материалом, которому кто-то обязан придать правильную форму. Такой перенос потребовал бы совершенно другого этического обоснования.

Мы начинали с древесины, которая сама не сообщала, что перед нами. Теперь видно, что и слово форма само не завершает объяснение. Оно направляет внимание к определённости, отношениям и осуществлению. Материя при этом остаётся существенной, возможность отличается от результата, а разные причины получают собственное место. Чтение Аристотеля может закончиться одним точным уточнением в знакомой ситуации. Это скромнее всеобщей формулы устройства мира, но позволяет увидеть, почему из чего и что именно — связанные, а не взаимозаменяемые вопросы.

Что это значит на практике

Можно выбрать простой изготовленный предмет, который знаком вам и не требует рискованной проверки: чашу, книжную полку или пустую коробку. Запишите два отдельных ответа: из чего он сделан и что делает его предметом именно этого вида в вашей задаче. Не ограничивайтесь названием. Например, для коробки важны отношения стенок, дна и доступного внутреннего пространства; для обсуждения изображения коробки вопрос будет другим. Такие ответы можно уточнять, не пытаясь сразу построить полную философскую систему.

Затем рассмотрите один элемент предмета. Есть ли у него собственное устройство и одновременно роль материала для целого? Это покажет относительность описания. Полка может быть изготовленным результатом и частью шкафа. Переход между двумя вопросами не делает её свойства произвольными. Если сведений о материале нет, отметьте пробел; философское слово не восполняет отсутствующее наблюдение.

После этого выберите один вопрос почему и уточните, какого ответа ждёте. Вас интересует состав, устройство, начало изготовления или назначение? Можно записать несколько ответов, сохранив их различие. Если предмет позже используется иначе, отдельно назовите первоначальную цель и нынешнее действие. Не нужно утверждать, что один из этих вопросов всегда главный: его значение зависит от рассматриваемой задачи.

Наконец, различите возможность и осуществление. Что позволяет предмету быть пригодным для задачи и что показывает, что задачу действительно выполнили? Не проверяйте прочность опасным способом и не переносите пример на оценку здоровья или личности. Если хотите рассмотреть живое целое у Аристотеля, вернитесь к началу

второй книги «О душе» и запишите его два смысла действительности вместе с оставленной оговоркой о разделимости. Здесь предмет работы — понимание текста.

Практику можно завершить, когда найдено одно полезное различие. Например, описание состава оказалось достаточным для выбора материала, но недостаточным для объяснения устройства. Или выяснилось, что задача изменилась, хотя вещь осталась прежней. Это добровольный разбор понятий и конкретного вопроса, а не проверенная программа развития мышления. Его возможная польза — более ясно назвать, какого ответа вы ищете и какие основания для него ещё нужны.

Ключевая цитата

> *«материя — относительный термин».*

Аристотель, «Физика», книга II, часть 2. Точная внутренняя клауза после Again в показанном английском переводе Р. П. Харди и Р. К. Гей: “matter is a relative term”. Собственный перевод United Wisdom с английского. Первичный текст, абзац, где определённая материя связывается с формой и целью. Это фрагмент предложения, а не самостоятельный полный афоризм.

Относительность означает отношение к объясняемой вещи и её форме; она не объявляет материальные свойства воображаемыми.

Связи между традициями

1. Относительная материя и необычный получатель. Аристотель в «Физике» II.2 определяет материю относительно формы объясняемой вещи. Плотин в V.1 § 3 рассматривает Душу как воспринимающее по отношению к Уму. Сходство касается положения получателя относительно определяющего, а не одного вещества во всех вещах. Плотиновская Душа здесь не становится аристотелевской древесиной или плотью; общая терминология не устанавливает единой доктрины.

2. Живое целое и источник жизни тел. В «О душе» II.1 Аристотель определяет душу как первую действительность определённого организованного тела. Плотин в V.1 § 2 объясняет жизнь и единство тел через Душу, отличную от них. Обе стороны ставят вопрос о том, что делает живое целым, но по-разному соотносят организующее начало и тело. Аристотелевская оговорка об отдельности некоторых способностей сохраняется; ни одна сторона не выдаётся за современную физиологию.

3. План мастера и содержание Ума. В «Метафизике» VII.7 форма в мысли мастера входит в объяснение изготовления. В V.1 § 4 Плотин описывает одновременно присутствующее содержание Ума. Конкретная связь — отношение определённости и

мысли. Последовательная человеческая работа с возможными ошибками не равна вечному Уму; ремесленный навык не представлен как прямое переживание плотиновского уровня действительности.

4. Изготовление сферы и вневременное происхождение. Аристотель в VII.8 различает производство конкретной бронзовой сферы и формы как отдельного предмета. Плотин в V.1 § 6 и V.2 § 1 объясняет зависимость последующего без временного изменения первого. Сопоставление уточняет, к чему относится возникновение: к изменению материала или к порядку бытия. Это разные объяснения, а не две версии одного технологического процесса.

5. Форма как ответ и определённость производного. В «Физике» II.3 форма выступает одним из смыслов причины. В V.2 § 1 Плотин связывает определённость Ума с обращением к первому. Обе стороны требуют объяснить, почему рассматриваемое имеет определённость, вместо простого указания на материал. Ответ о конкретной вещи не тождествен происхождению уровня умопостигаемого; повреждённые места V.1 § 7 для этой пары не используются.

6. Единство животного и различимые ступени. Аристотелевские примеры воска и отпечатка, глаза и зрения в «О душе» II.1 проясняют единство материи и действительности. Плотин в V.2 § 2 сохраняет различие ступеней при их связи с первым. Сходство позволяет спросить, какое отношение означает единство и что оно сохраняет. Живое целое и порядок гипостаз имеют разные масштабы и предпосылки; общая модель сознания или историческое влияние здесь не утверждаются.

Первоисточники

• Аристотель. «Физика», книга II, английский перевод Р. П. Харди и Р. К. Гей. Первичная естественная философия. Полностью прочитаны и использованы части 1–3: природа, материя относительно формы, смыслы причины. Оставшаяся книга и греческий текст не заявлены прочитанными.

• Аристотель. «О душе», книга II, английский перевод Дж. А. Смита. Первичная философская психология. Полностью прочитана используемая часть 1 с двумя смыслами действительности, примерами и заключительной оговоркой о разделимости. Это древний аргумент, а не установленная современная физиология.

• Аристотель. «Метафизика», книга VII, английский перевод У. Д. Росса. Первичная метафизика. Использованы полностью прочитанные части 7–11 об изготовлении, форме и частях. Весь текст книги не заявлен прочитанным; обрезанный конец веб-носителя не используется как полный аргумент.

• Плотин. «Эннеады» V.1–V.2, английский перевод Стивена Маккенны и Б. С. Пейджа. Оба трактата полностью прочитаны для ограниченных сопоставлений материи, Души, Ума и происхождения. Различия философских конструкций сохранены; повреждённые места V.1 § 7 не используются.

Теги

Аристотель, Физика, Метафизика, О душе, материя, форма, составное, возможность, действительность, первая действительность, осуществление, природа, изготовление, ремесло, замысел, причины, материал, устройство, цель, изменение, определение, части, целое, функция, душа, живое тело, Плотин, Ум, относительность материи, масштаб объяснения, аналогия, различение

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.